

love_sf

Марина
Ефиминюк

Сердце Абриса

Семь месяцев назад миры раскололись, закрылись магические ворота, растаял призрачный город, много лет паривший над Теветом. Как отчаянно я искала путь к Кайдену! Изучала темную магию, чертила руны, но никак не ожидала, что по другую сторону двери в Абрис вместо любимого мужчины встречу чужака, забывшего даже мое имя. И я буду вынуждена выбрать: уйти или остаться, отступить или попытаться разбудить заснувшее сердце темного мага, отпустить или все-таки бороться за любовь, способную разрушить меня саму.

ru
ru

Марина
Ефиминюк

FictionBook Editor Release 2.6.6
30.6.2019
1071179f-692c-4f53-a48d-e11fbac6e2e5
1.0

Марина Ефиминюк
Сердце Абриса

ПРОЛОГ

Семь поколений
*

назад чудовищной силы магический взрыв свел вместе две параллельные вселенные, и мир

светлой магии Тевет узнал о существовании Абриса, живущего по законам
темного

рунического колдовства. Так началась
эпоха после Схождения

▲ . Эпоха ненависти и запретов, неумения находить общий язык и нежелания жить
под одним
небом.

Семь месяцев назад случился новый взрыв, и вселенные разошлись, но Тевет,
долгие годы

мечтавший избавиться от опасного соседа, оказался не готов к стремительным,
неизбежным

и подчас пугающим переменам. Ослабевало действие рун, рождались дети без
признаков

светлого дара, на глазах менялись ценности. С легкой руки газетных листов
новое время

назвали эпохой

Расхождения

, и, пока никто до конца не понимал, какие трудности ждали Тевет.

Наверное, я была ужасным человеком, раз могла без угрызений совести жить с
осознанием,

что заставила меняться целые миры.

И еще.

Я не мечтала, не верила, а знала точно, что скоро открою двери в Абрис и
вернусь к тому, с
кем осталось мое сердце.

---

*

Одно поколение – 20-25 лет

ГЛАВА 1. НЕЗНАКОМЕЦ ЗА НЕВИДИМОЙ СТЕНОЙ

Прошлой осенью мои руки изрезали рунами Абриса, и прямо сейчас шрамы горели, как
проклятые. Осторожно, под столом, чтобы, не дай Светлые духи, не заметили
девчонки, я

отодвинула длинный рукав жакета и проверила запястье, куда дотягивался тонкий
шрам от

одного из символов. Он светился, и, казалось, будто под кожу продели алую нить.
Такое

случалось частенько, но... Чего ж именно сегодня, когда сводная сестра Полина
притащила

меня знакомиться со своими подружками в пафосную ресторанцию на набережной
Венты?!

– Ничего себе! – охнула Поля рядышком, и меня как магическим разрядом
шибануло.

В Тевете считалось, что даже одна абрисская руна, выжженная на теле, оскверняла чистый светлый дар, у меня их имелся почти десяток. Первую руну «знание» нанесли на ладонь, когда год назад украли в Абрис на дикуую вечеринку темных паладинов. Символ скрыть не выходило. После многих перемещений через границу миров тонкий шрам превратился в розоватый неровный рубец и был слишком заметен. Об остальных темных знаках знали только отец и тетка Матильда. По большому счету я плевать хотела на мнение окружающих, но когда руны светились красным цветом абрисской магии, то даже глупец был способен догадаться, что с моим даром Истинного света происходило нечто неправильное... Неправильное настолько, что я умела пробуждать темные руны. Таких магов в Абрисе называли «двуликими» и уничтожали. Никакого права на помилование.

Быстро одернув рукав, я приготовилась соврать что-нибудь изящное, но тут сестра с восторгом добавила:

– Смотрите, он здесь! Григорий Покровский!

Эм?

♣ – Светлые духи, вблизи он выглядит еще лучше! – с восторгом зашептались подружки. –

Даже лучше принца Эдварда!

Оказалось, что в девчонках вызвал приступ экзальтации высокий, худощавый шатен по виду около тридцати лет. На мой взгляд, мужчина как мужчина. Не лучше и не хуже других. Может, конечно, в нем имелись скрытые достоинства, с первого взгляда не различимые, но до принца Тевета ему точно было, как на хромой собаке до луны.

– Какой же красавчик... – мечтательно вздохнула Олеся, представленная подругой детства

Полины. – Даже не верится, что приехал из провинции всего год назад.

Тут-то у «красавчика» открылся первый талант: острый слух. Он различил девчоночье хихиканье и оглянулся. При виде пяти девиц, возраста выпускниц Института благородных девиц, беднягу нешуточно скривило. Судя по всему, за год, проведенный в городе кленов, у господина Покровского выработалась стойкая непереносимость напористых столичных невест.

Чтобы сдержать издевательский смех, я прикусила изнутри щеку и отвернулась к окну. На

улице затухал неспешный летний день. Блестели в лучах заходящего солнца спокойные воды

Венты. В бледнеющем небе плыли розоватые перистые облака. Меньше года назад над Теветом

парил призрачный город, но после Расхождения вселенных Абрис растаял без следа. Когда-то я

мечтала по ночам наблюдать за звездами, но теперь многое отдала бы, чтобы снова увидеть

очертания параллельного мира.

– Поли, как он на тебя посмотрел! Даже у меня сердце екнуло! – горячо зашептала Олеся, захлебываясь от радости, словно лично удостоилась заинтересованного взгляда мужчины.

– Он точно тебя заметил, – без должного энтузиазма поддакнули две другие подружки, поразительно похожие внешне. Я начисто забыла их имена уже через три секунды после знакомства и мысленно окрестила «двойняшками».

– Да, бросьте, – кокетливо отозвалась Полина. – Он разглядывал Валерию.

За столом воцарилось выжидательное молчание. В мою сторону уставились четыре пары глаз, одинаково подведенные черными стрелочками.

– Что? – не поняла я.

– Он смотрел на тебя? – подсказала Олеся.

Судя по всему, мне следовало убедить сестру, а заодно и новых приятельниц, что ни один приличный мужчина, особенно Григорий Покровский, кем бы он ни являлся, никогда не обратит внимания на затворницу с рубцом темной руны во всю ладонь. Девушки просто не догадывались, что я никогда не страдала ни комплексом неполноценности, ни желанием подпитывать чужое эго.

– Кто, вообще, этот парень?

– Ты точно артефакторша? – фыркнула Олеся. – Как ты его можешь не знать?

– А ты секретарша в конторе судебных заступников, – моментально парировала я.

– Ты знаешь фамилию столичного мирового судьи?

– Я секретарь! – ошетибилась та. – И судью зовут... Господин... господин...

– Железнов, – подсказала я. – К слову, специальности «артефакторша» не существует.

– Девочки, не ссорьтесь, – вклинилась Полина. – Валерия просто вернулась в столицу совсем недавно и еще не в курсе последних новостей. Я тебе все расскажу, сестричка. Григорий Покровский – личный артефактор королевской семьи. Абсолютно свободен, никаких жен и невест, даже постоянной подружки нет. Годовой доход три тысячи сто пять золотых и сорок два пенса. Матушка живет в провинции на другом конце Тевета. В этом году его признали самыми завидным женихом столицы.

– Идеальная партия, – выдохнула одна из «близняшек».

– Вы подкупили его счетовода? – уколола я.

– Светлые духи! Нет, конечно. Наняли частного сыщика, – поделилась Полина. – Только, чур, маме не говори! Она мне голову снесет, если узнает, что я сняла деньги с нашего счета в монетном дворе.

– Когда ты выйдешь за него замуж, то все расходы окупятся, – передернула

плечами Олеся

и демонстративно пригубила давно опустевшую чашечку.

Чай девчонки заказали самый дорогой, вскладчину. Цедили весь вечер и уже три раза просили

подлить кипятку, размыв заварку до состояния подкрашенной водицы. Лично я чувствовала

себя неловко перед порядком раздраженным подавальщиком и мысленно пообещала оставить

ему немного монет на порошки от нервного тика.

▲ – Сестричка, успокой меня, – протянула Полина, – скажи, что твой отец не такой скряга, как моя маман.

– Ну...

В прошлом году я попросила у родителя золотые на штраф за скольжение в Абрис, закономерно получила отказ и была вынуждена устроиться на полставки стажером в университетскую библиотеку.

– Честно говоря, мне всегда платили стипендию.

– Тебе хватало?

– Вполне.

Походами по модным лавкам я не увлекалась, а от цен в дорогих ресторациях даже без еды

получала несварение. Всю жизнь моим единственным увлечением являлась

артефакторика, но

посещения библиотеки или учебной лаборатории больших материальных затрат никогда не

требовали.

– Так и знала, что он скряга, – понимающе вздохнула Полина. – Как бы они еще сошлись с

моей матушкой? Она думает, что я слишком много трачу на туфли.

– Разве можно в столице сделать нормальную партию, если носишь туфли не от «Колина».

– Обе двойняшки выглядели возмущенными.

– Верно, – усмехнулась я, постеснявшись уточнить, кто такой этот самый «Колин».

Они принялись обсуждать обувь, а мое внимание привлек вид за окном. Погода взбесилась.

Только-только небо было светлым и чистым, но вдруг на улице начало стремительно смеркаться, сгустились свинцовые тучи. Стекло усеяли мелкие дождевые капли, и без продуху

на землю обрушился яростный ливень. Набережная Венты скрылась за белесой пеленой.

– Как теперь добраться домой? – не осознавая, что говорю вслух, пробормотала я.

– Можно попытаться поймать кеб, – с иронией подсказала одна из девчонок.

– В такой дождь экипаж смочет вместе с возницей.

– Какой дождь? – не поняли подружки.

– В смысле?

Я глянула в обеденный зал и оторопела. За моим окном бушевала непогода, бесилась свирепая

стихия. Казалось, что город будет смыт! Но ресторан по-прежнему окрашивали лучи

заходящего солнца. Звенели столовые приборы, народ мирно ужинал, вел тихие беседы и не

обращал внимания на странности природы.

Какого дьявола?!

Неужели «Сердце Абриса», артефакт для перемещения в параллельный мир, над которым я втайне трудилась долгие месяцы, пробудился? А значит, дождь хлестал вовсе не в Тевете, а в Абрисе!

Я поспешно сдернула со стула матерчатую сумку и принялась копаться в вещах, пытаясь отыскать артефакт, спрятанный в кожаном чехле.

– Валерия, ты в порядке? – уточнила Полина.

Проходя в чувство, я замерла и обвела примолкнувших девчонок осторожным взглядом. Они таращились на меня, как на припадочную.

– Знаете, я тут вспомнила про одно важное дело... – выдержав паузу, объявила я и поднялась, неловко толкнув стол. Посуда истерично зазвенела, а у Олеси с блюда соскользнула чайная ложка.

– Ладно, – сводная сестра кивнула. – Встретимся в храме?

– Да, – растерянно пробормотала я, крепко сжимая сумку. В последний день седмицы у наших родителей должен был пройти обряд венчания. К церемонии будущая мачеха заказала мне розовое платье с открытыми плечами и совершенно отвратительные туфли на высоченных каблуках. Скорее всего, от приснопамятного «Колина».

Стоило отойти на пару шагов, как девчонки зашептались, перебивая друг друга:

– Вы видели руну у нее на ладони? Какая гадость...

– А глаза? До сих пор мурашки бегут.

– Поли, она точно артефакторша? Спорим, что врет? – фырчала Олеся.

Выбравшись из обеденного зала, я нырнула в дамскую комнату. Дождалась, когда помещение опустеет, и вытащила из сумки артефакт. Если он и пробуждался, то уже потух. Сердце Абриса

выглядело, как обычный карманный хронометр без крышки и циферблата, но в корпусе прятался особенный механизм из специально выплавленного металла. Вместо цифр была

▲нанесена тонкая руническая вязь, дикая смесь между темными и светлыми рунами. Вчера я

попыталась связать символы на циферблате с теми, что были вырезаны у меня руках. Видимо,

по этой причине я оказалась единственной во всей ресторации, кто увидел раскол в пространстве. Когда в уборной открылась дверь и впустила двух дам, то я быстро спрятала

артефакт в карман и выскользнула в холл.

Натягивая на ходу заплочную сумку, направилась к высоким тяжелым дверям. Швейцар

услужливо открыл тяжелую створку и попрощался. Я вышла наружу, под козырек ресторации и

остолбенела. Тихая, утопающая в закатных лучах набережная Венты снова исчезла. Улица была

незнакома. Сильный и злой ливень нещадно бил по брусчатке, надувая в огромных лужах

пузыри. По краям пешеходной мостовой к решеткам водостоков бежали мощные, стремительные потоки. Навстречу яростным тугим струям дождя, ехали экипажи, и во влажной

дымке расплывались зажженные огни на их крышах. Однако была странность: в воздухе совершенно не ощущалось дождевой свежести. Параллельный мир был отделен прозрачной стеной.

Опомнившись, я полезла в сумку за артефактом, но за спиной вдруг раздался незнакомый мужской голос:

– Скорее всего, в Абрисе сейчас ливень.

– Простите? – опешила я и оглянулась через плечо.

За моей спиной стоял «самый завидный жених столицы». Он достал из внутреннего кармана светлого пиджака серебряный портсигар, но не торопился открывать.

– Теория искажения, – подсказал он. – Если в Тевете солнце, то в Абрисе идет дождь.

– Какая редкостная недоказуемая чушь, – пробормотала я и кивнула на портсигар:

– Не стесняйтесь.

– Неловко курить при девушке, которая отвернулась к окну, чтобы посмеяться надо мной.

Что такого забавного сказали ваши подруги? – Он все же достал тонкую коричневую сигариллу, помял в руках, а потом спрятал обратно, так и не прикурив.

– Назвали вас самым завидным женихом столицы.

От широкой улыбки на гладком лице королевского артефактора заиграли привлекательные ямочки.

– Вы напрасно смеетесь, – кивнула я, и мужчина вопросительно заломил бровь. – Вы

должны быть крайне осторожны, девушки настроены решительно и уже знают ваш годовой доход.

– Они подкупили моего счетовода? – поперхнулся изумленный жених.

– Наняли частного сыщика, – развеселилась я.

– Вы шутите?

– Отнюдь.

Некоторое время мы стояли в молчании. Мне хотелось прикоснуться к границе хотя бы

кончиком пальца, но самый завидный жених столицы, имя которого начисто выветрилось из

головы, никуда не торопился. Ресторация словно превратилась в крошечный островок посреди

бескрайнего океана. Было и страшно, и любопытно вступить под абрисский дождь, и пока я

следила за буйством летней грозы, мужчина изучал меня.

– Вы что-то хотели сказать? – не удержалась я.

– Сегодня очень красивый закат.

Раскол закрылся неожиданно. По воздуху пробежала волна, словно смывшая изображение дождливого города. Появилась тихая набережная с горожанами, совершающими променады.

Деревянный пирс и спокойная Вента с блестящими от солнца водами.

– Верно, – задумчиво отозвалась я, вдруг осознав, какое нечеловеческое напряжение испытывала от того, как близко – трусиха – подобралась к Абрису. – Погода сегодня

исключительная. Мне пора.

Хотелось немедленно уйти, не задерживаясь ни на секунду, чтобы спокойно проверить артефакт.

– Валерия, стойте! – позвал он, заставив меня с удивлением оглянуться.

– Вы знаете мое имя?

– Понимаю, что было глупо притворяться, будто я не догадываюсь, кто вы такая.

– Весьма, – согласилась я. – Не помню, чтобы нас представляли.

▲ – Мы прежде никогда не встречались, – признался он и вытащил золотую визитницу. –

Меня зовут Григорий Покровский. Я корол...

– Вашу должность мне назвали вместе с годовым доходом, – перебила я, принимая гляцевую карточку с выдавленным в уголке гербом Королевской Артефакторной лаборатории.

– И что именно королевский артефактор хотел от адепки четвертого курса, последний год просидевшей в академическом отпуске?

– Я хотел поздравить вас с получением лицензии.

– Грамоту мне выдали еще зимой, – заметила я.

– Все так, но я писал вам. Все мои послания остались без ответа.

Некоторое время назад из Кромвеля, куда по старому адресу по-прежнему приходила корреспонденция, были переданы пачки писем. В нашем доме в основном переписку вел папа, университетский профессор истории, и я даже не прикоснулась к тем, перевязанным бечевкой стопкам.

– Извините, – без сожаления пожала я плечами. – В свое оправдание позвольте сказать, что четверокурсники, получившие рабочие лицензии, бывают ужасно занятыми.

Разрешение от Принцессы Теветской привезла в отцовский особняк ее личная помощница, отдала со словами, что глупо сдерживать уникальный талант какими-то формальностями, и

вместе с документами вручила первый заказ. Я не стала задавать неудобных вопросов, но про

себя решила, что королевская семья не смогла договориться о цене с Кромвельским Университетом, владеющим на время учебы любыми моими артефактами, и обошла правила.

Другими словами, Григорий Покровский должен был тихо меня ненавидеть, ведь известная своим капризным нравом принцесса отдала предпочтение девчонке, даже не закончившей университет.

– А теперь позвольте попрощаться, господин Покровский, – едва заметно поклонилась я, отдав дань этикету. – И помните, что летом начинается сезон отлова завидных женихов столицы. Вы в группе риска.

Но он не дал мне даже шагу ступить.

– Я представлял вас совершенно другой, Валерия.

– Мужчиной? – не удержалась я от шпильки.

Он рассмеялся.

– Не мужчиной... Артефакты Лерой Уваровой завораживают своей филигранностью.

Ваша

магия — неповторима. Каждый раз, когда я смотрю на часы Ее Высочества, мне хочется

разобрать их на винтики и узнать, какие руны вы использовали.

— Это называется промышленным шпионажем, — пошутила я.

— Я восхищаюсь вашим талантом. — Он поймал мой взгляд.

— Пытаетесь мне польстить, господин Покровский?

— Пытаетесь кокетничать, Валерия? — парировал он. — Вы прекрасно знаете себе цену. Так

ведь? Просто я не подозревал, что вы настолько...

— Юна?

— Красивы.

Всегда считала, что после Кайдена Николаса Вудса мужчины были просто не способны

лишить меня дара речи, но у Григория Покровского получилось. Я вдруг осознала, что не

только не могу придумать ни одного колкого, ироничного ответа, но и начинаю заливаться

краской.

— Кажется, я вас смутил, — как ни в чем не бывало улыбнулся он.

— Да, — прямо ответила я. — И на этой странной ноте разрешите мне откланяться.

— Подвезти вас?

— И раскрыть вам, где я живу, страшный человек? — состроила я фальшиво-испуганный вид.

— Разве вы не слышали, что красивым девушкам нельзя садиться в кареты к плохо знакомым

мужчинам? Удачи, господин Покровский.

Мужчина стоял в расслабленной позе. Руки были небрежно спрятаны в карманы брюк, на

лице светилась обаятельная улыбка, смеялись теплые серые глаза.

— До встречи, Валерия.

— До встречи? — изогнула я брови.

— Вы ведь должны меня смутить в ответ. Разве флирт не так работает?

♣ Неожиданно у меня заныло сердце. Мы с Кайденом долго вели эту слишком взрослую и

раздражающую для девятнадцатилетней девчонки игру: кидались вопросами, но не давали на

них ответов. Десятки повисших в воздухе, никому не нужных вопросов.

Потому что именно так работал флирт.

Кайден настиг меня. Я прижималась спиной к паркетному полу и не смела пошевелиться.

Острие магического меча было направлено на истерично бьющуюся жилку на шее.

— Умоляю, не надо... — прошептала я, хотя знала, что двулика не способна пробудить

жалость или сострадание в темном паладине.

Лицо Кая было замкнутым, губы крепко сжаты. Он никогда не вступал в

переговоры с

жертвами. Видимо, считал, что говорить с покойниками напрасная трата времени.

— Ты пожалеешь...

— Вряд ли, — вдруг ответил он, и ударил.

Вскрикнув, в холодном поту я села на кровати и схватилась за горло. Ничего, никаких ран!

Растерев лицо ладонями, выдохнула от облегчения. Кошмар, в котором Кайден убивал меня, был таким реалистичным, что, пробуждаясь, я не сразу понимала, где заканчивался сон, и начиналась явь. И столько раз видела, а все равно страшно было — до оцепенения.

Детская с розовыми обоями и макетами несуществующих артефактов на полках была залита солнечным светом. Через открытое окно доносился радостный птичий гомон, словно рассыпались звонкие колокольчики. Сегодня отец женился второй раз. На портновском манекене висело шелковое розовое платье, и пришитые на лифе прозрачные кристаллы блестели, как драгоценные камни.

Заставив меня вздрогнуть, дверь в спальню отворилась. Сквозняк парусом надул на окне легкую белую занавеску, перерыл открытую на столе записную книжку, выдул спрятанные между страничками листочки с пометками. Надо было бы собрать записки, но вставить не хотелось. Пятясь спиной, в комнату осторожно внесла поднос с завтраком тетка Матильда. Она была в халате и с рядом папилюток на свежевыкрашенных хной волосах — готовилась к венчальному обряду.

— Проснулась? — Матильда одной рукой осторожно сдвинула на край стола самописные перья, блокнот, невнятную мелочевку, больше характерную для мужской мастерской, чем для спальни двадцатилетней девицы, и пристроила поднос. — Валерия, уже половина седьмого.

Вставай, иначе не успеешь собраться. Отец тебя в жизни не простит.

— Знаю.

— Опять под утро спать пошла? — Матильда налила мне в чашку чай, и в воздухе повеяло бодрящим чабрецом.

— Нет, легла в полночь, — не моргнув глазом, соврала я.

— Я слышала на рассвете, как ты поднималась по лестнице.

— А сама, почему не спала?

— У меня бессонница с тех пор, как ты наш подвал превратила в мастерскую.

Боюсь заснуть в

кровати, а проснуться на золотом облаке в окружении Светлых духов. Что это? — пробормотала она, привычно перепрыгивая с темы на тему, и вытащила из стеклянной

▲коробочки «Сердце Абриса», выглядевшее карманными часами без крышки и стекла. — Какие

странные часы. Их надо завести?

Я не успела рта открыть, а Матильда встряхнула артефакт.

— Нет! — вскрикнула я, слетая с кровати. — Не тряс! Это артефакт, а не часы!

Но было поздно, в одно мгновение на циферблате вспыхнули алым цветом крошечные руны, а

у меня на руках, отзываясь на смесь светлой и темной магии, загорелись шрамы.

Видимо, тетку

ощутимо укололо разрядом. Она охнула и выпустила вещь. От звона, с каким артефакт

шибанулся о стеклянное дно коробочки, меня перекосило.

— Вот! — Матильда ткнула пальцем в часы, стрелки на которых закрутились в разные

стороны. — Об этом я и говорю! Живем, как на магической взрывчатке! Страшно!

Точно услышав стенания, «Сердце» потухло. Стрелки остановились.

— Ворчунья! — прикрикнула я с улыбкой, когда тетка выходила из комнаты.

Чтобы привести себя в человеческий вид пришлось потратить больше двух часов.

Маскирующий крем практически скрыл бессонные тени под глазами, а специальный эликсир

придал русым волосам, едва достававшим до подбородка, блеск и гладкость. А коль намазала

лицо тоном, пришлось накрасить ресницы и подвести стрелочки. Глаза вдруг стали выглядеть

ярче и больше, как у фарфоровой куклы.

Раньше у меня были самые обычные глаза, каре-зеленые, но взрыв выжег цвет радужки. Она

приобрела стальной цвет, в точности, как у темных паладинов. Даже самой жутковато

становилось. С помощью магии замаскироваться не получалось, и жила с тем, что имела.

Хорошо, вообще, не ослепла.

Шевелюре повезло еще меньше. Длинную косу спалило, и несколько месяцев волосы не

росли, делая меня похожей на худенького узкоплечего парня. От мальчишеской стрижки

удалось избавиться только благодаря теткинм перечным притиркам, так что на обряд

венчания я даже приколола цветочный венок, на котором настаивала Анна.

При взгляде на бледное отражение в длинном розовом платье, неудачно

открывавшем плечи и

руки, у меня возникало подозрение, что будущая маменька втайне не выносила мысль о второй

взрослой дочери, хотя почему-то абсолютно все считали, будто именно я выступала против

отцовской женитьбы. Видимо, по классическому сюжету или падчерица, или мачеха, а иногда

обе в равной степени, были обязаны выступать в роли злодеек и портить главе семейства жизнь.

Ничего не скажу за Анну, но я испытывала облегчение оттого, что после моего побега в

Абрис отец не останется одиноким вдовцом, живущим с ворчливой сестрой в ветшающем

особняке. Хотя Матильду она точно невзлюбила, иного объяснения, почему женщину

тетушкиных габаритов тоже заставили обрядиться в розовое платье, просто не находилось. В

праздничном одеянии она напоминала пирожное, украшенное маленькими цветочками.

Придерживая длинный подол платья, я спустилась на первый этаж. В холле творился бардак.

С вечера в особняк привезли пяток огромных дорожных сундуков с вещами новых жиличек и

розовую (как мое платье) корзинку для собачки Анны. Существом белая болонка Кнопочка

была визгливым и нервным, а наш старый дом отличался гулкостью и высокими сводами. Я уже

предвкушала, как от стен при всяком удобном случае станет отражаться звонкий лай.

Папа нашелся в кабинете. Одетый в традиционный теветский костюм, широкие шелковые

брюки и тунику с разрезами, он задумчиво изучал семейный портрет, нарисованный еще до

болезни мамы. Вдруг мне пришла в голову неприятная мысль, что теперь наши портреты

переедут на чердак, и их место займут совсем другие картины.

– Привет. – Я встала рядом с отцом. Из-за высоких шпилек мы оказались практически

одного роста.

– Она ведь меня не осуждает? – произнес он.

– Она не имеет права тебя осуждать, – понимая, что он хочет благословения, вымолвила я.

– Ты слишком долго хранил верность маме. К тому же страдать вечно невозможно.

– Не верю, что именно ты говоришь эти слова, – намекнул он на нас с Кайденом.

– У меня другой случай. Мы с Каем не расставались.

В прошлом году, когда папа узнал о моем романе с двадцативосьмилетним наследником

правлящего клана в Абрисе, то пришел в ярость. Он выставил Кайдена из дома, а мне велел

прекратить отношения. И сейчас, когда связь действительно была разорвана, мы не пытались

делать вид, будто в моей жизни не было мужчины из параллельного мира, беспорядочных

скольжений или семи седмиц помутнения рассудка после того, как границы захлопнулись. Мы

▲просто жили дальше, как умели, а время сглаживало острые углы и стирало неловкости. Хотя,

подозреваю, будущая маменька до сих пор не знала и десятой доли того, что происходило в

нашем доме прошлой осенью.

– А ты? – тихо спросил папа.

– Что я?

– Ты осуждаешь, так ведь? Анна старалась тебя не дергать с подготовкой к свадьбе, и у тебя

могло сложиться впечатление, что она...

– Не считаешь, что странно спрашивать мнение дочери за час до венчального ритуала? –

перебила я. – Анна кажется хорошей женщиной. И собачка у нее забавная. Полина тоже

ничего.

– Я надеялся, что вы подружитесь.

– С Полиной, собачкой или обеими? – уточнила я, и когда папа не понял шутки, то закатила

глаза: – Мы делаем отчаянные попытки, но у нас немножко разные цели. Не знаю про собачку,

но Полина мечтает выйти замуж за королевского артефактора и купить туфли от «Колина», а я,

наконец, получить диплом.

– Что такое «Колин»?

– Понятия не имею, но почему-то оно исключительно важно для удачного замужества.

– Для удачного замужества нужны какие-то правильные туфли? – не понял папа.

– Ты тоже не видишь взаимосвязи?

Мы встретились глазами, и на некоторое время в кабинете повисло острое, пронзительное молчание.

– Думаешь, что сможешь ужиться с Анной?

– Сам знаешь, я не планирую оставаться в столице, – пожала я плечами.

Полу-ложь прозвучала, и наступила глубокая тишина. Было слышно, как по холлу, стуча

каблуками, ходила Матильда.

Отец, может быть, вызывал впечатление рассеянного профессора, погруженного в ученые

изыскания, но, на самом деле, в пронзительности ему было не отказать. Думаю, он давно

догадался о причине, почему я не перевелась в престижную Королевскую Академию, отклонила

абсолютно все, даже самые выгодные, предложения по службе, и сейчас бралась только за

бесплатные заказы Ее Высочества, которые просто не имела права игнорировать.

Папа знал, что

я планировала побег, но мы всей семьей единодушно делали вид, будто мне до дрожи в коленях

хотелось получить красный диплом Кромвельского Университета.

– Экипажи уже у крыльца! – позвала из холла Матильда. – Дмитрий, ты должен ехать за невестой!

– Мне пора, – вздохнул папа.

– Мы тоже сейчас поедem в храм. Анна хотела, чтобы ей под ноги бросали розовые лепестки,

надо раздать гостям корзинки. Не считаешь розовые лепестки – перебором?

– Просто попытайся быть снисходительнее.

– Ты же знаешь мой характер. Сейчас я проявляю чудеса очарования!

Папа поцеловал меня в лоб, потом крепко обнял. Вдруг над ухом раздалось подозрительное

шмыганье. Вот уж не ожидала от сухого, как столетняя баранка, отца сентиментальности!

– Ты же не собираешься заплакать? – уточнила я. – Потому что я не представляю, как

успокаивать плачущего отца. У меня наверху есть нюхательные соли. Не знаю, отбивают ли они

желание порыдать в жилетку дочери, но желание их нюхать точно отбивают.

– Ты знаешь, что всегда несешь вздор, когда нервничаешь? – отстранился отец с улыбкой, и

все-таки его глаза покраснели от мелодраматических слез.

Когда мы вышли в холл, то тетка была, как на иголках.

– Мне надо забрать из комнаты клатч, – объявила я, поднимаясь по лестнице.

– Поскорее, – сварливо подогнала меня Матильда, почему-то считавшая, что мы всенепременно опоздаем на церемонию, а взбешенный отец вычеркнет из семейной книги меня

и впишет Полину. – И возьми перчатки!

Вернувшись в спальню, я сгребла с кровати перчатки, подхватила с туалетного столика клатч

с нюхательными солями и прочими мелочами, чтобы при случае откачивать впечатлительных

дам, но вдруг краем глаза заметила, что от «Сердца Абриса» исходило свечение.

Символы

пульсировали, то загораясь ярким светом, то затухая. Стрелки вертелись в одном направлении.

▲Взяла артефакт в руки, поднесла к глазам, чтобы лучше рассмотреть, какой из знаков не

пробудился. Металлический корпус был нагретым.

Неожиданно руны вспыхнули, выплеснув мне в лицо яркий свет.

– Проклятье!

Перед глазами поплыли радужные круги. Проморгавшись, я посмотрела в зеркало – не

размазалась ли от выступивших слез тушь – и оцепенела. За моей спиной отражалась вовсе не

детская с розовыми стенами, а сумрачная чужая спальня с огромной аккуратно заправленной

постелью, и начищенным паркетным полом.

– Светлые духи! Валерия, куда ты провалилась?! – закричала снизу Матильда и закашлялась. – Кеб ждет!

Я заставила себя повернуться. Как в страшном, мучительном сне, приобретшая неожиданную

глубину комната была разделена на две части невидимой линией. С моей стороны жаркое

теветское солнце рисовало на полу мозаичную тень от окна, а на другой половине – в окно

хлестал дождь.

Вдруг в Абрисе отворилась дверь. Появился высокий статный мужчина в черном.

При виде

Кайдена у меня споткнулось сердце. Он быстро вошел, стянул через голову свитер, швырнул

его на кровать... и увидел меня, замершую на светлой половине мира.

Наши глаза встретились.

Кайден выглядел привлекательнее, чем мне помнилось, выше ростом, шире в плечах. Волосы

были подстрижены короче, а в нижней губе, слева, снова появилось тонкое серебряное колечко.

Мую грудь незаметно наполнили смешанные чувства. Они теснились, давили на замирающее

сердце, не давали дышать. Наверное, стоило закричать, но я лишилась дара речи.

Мужчина начал приближаться к границе. Медленно, не разрывая зрительного контакта.

Каждое движение было пронизано хищной грацией. Он остановился, опустил взгляд.

Не сразу я

догадалась, что именно Кайден разглядывал. Шрамы на моих руках снова светились,

будто
продетая под кожу тонкая алая нить, а в кулаке поблескивал пробужденный артефакт.

Все происходило, точно в злосчастном сне. И, будь я проклята, если не понимала, что Кайден вел себя, как незнакомец! Он протянул руку, чтобы дотронуться до невидимой стены, и у меня возникла мысль, что прямо сейчас следовало бежать. От прикосновения по воздуху, как по водной глади разлетелись затухающие круги, а фигура мужчины подернулась рябью.

Вокруг его руки за клубился черный дым, и появился знакомый меч с длинным клинком и рукоятью, обмотанной кожаными полосками. Я забыла, как дышать. Кайден двигался молниеносно. Заметить, как он отошел и размахнулся, было нереально, но вдруг мелькнул

клинок, и по прозрачной преграде прочертился ровный огненный шрам. От неожиданности я отпрянула, налетела спиной на туалетный столик. На пол посыпались флаконы с притирками.

Артефакт выскользнул из рук, от удара о паркет часовые стрелки выпали, и руны потухли.

Абрис исчез вместе с пугающим незнакомцем, только-только попытавшимся разбить границу между мирами.

– Валерия! Быстрее же! – снова возопила Матильда. Судя по всему, от нетерпения она поднялась по лестнице и кричала уже со второго этажа.

– Уже иду! – прикрикнула я, прижимая руку к бухающему в груди сердцу. Три раза глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

Я собиралась выяснить, что произошло с Кайденом, и почему он меня не узнал, но сначала нужно было женить отца или хотя бы не опоздать на венчальный обряд.

– Валерия! – взвизгнула тетка.

– Да не уедет жеб без нас! Мы ему уже заплатили! – подняв осколки артефакта, огрызнулась

я в ответ. «Сердце» оказалось уничтожено, и было страшно представить, сколько времени

теперь понадобится на его восстановление.

Ссыпав части в клатч, я открыла дверь в коридор, сделала шаг... и оказалась в кромешной

темноте. От неожиданности пошатнулась и, стараясь удержать равновесие, расставила руки. Из-

за потемок было невозможно ощутить пространство, точно я парила в пустоте. В голову даже

пришла идиотская мысль, что в подвале дома, как предсказывала Матильда, действительно что-

то взорвалось, и меня экспрессом перебросило на золотое облако. Теория не отвечала только на

вопрос, отчего в обители Светлых Духов царил непроницаемая темнота, и почему, если

прислушаться, в тишине едва различимым эхом доносились неясные голоса?

Острая, внезапная догадка заставила кровь леденеть в жилах.

♣ Я быстро раскрыла ладонь. Во мгле вспыхнул розоватый огонек размером чуть

больше
семечка подсолнуха. Крошечная искра горела так ярко, что полностью осветила комнату,
большую застеленную кровать, плотные непроницаемые портьеры на окнах, книги с выдавленными на корешках абрисскими символами. Спальню Кайдена я узнала с первого
взгляда.

Сжав кулак, потушила искру. Не дожидаясь, когда глаза заново привыкнут к глубокой
темноте, двинула в ту сторону, где по ощущениям находилось зашторенное окно. В пугающем
безмолвии по паркету стучали каблуки. Нашупав край портьеры, раскрыла ее с громким
жмыхом. Видимо, спальня находилась на одном из верхних этажей. Было видно ночное небо и
гонимые ветром сизые облака. Окрестности вдаль утопали во мраке – не разберешь, но
разглядеть крепостную стену, озаренную огнями, труда не составило.

– Проклятье... – только и смогла прошептать я, догадываясь, что очутилась в замке.

Обычно скольжение в Абрис сопровождалось уймой неприятных ощущений, да и длительность путешествия никогда не удавалось предсказать. И если сезоны в Тевете несколько
отставали, то время суток в мирах совпадало вплоть до секунд. Судя по тому, что из моей
жизни выпало не меньше половины суток, я оказалась очень-очень далеко от города, параллельного столице Тевета и когда-то светившегося в его небе. Более того, я
даже не
заметила перемещения. Похоже, мне все-таки удалось создать идеальные магические ворота!

Правда, сейчас что-то было совсем нерадостно, а скорее, страшно.

От звука раскрываемой двери я вздрогнула, выронила на каменный подоконник клатч и резко
оглянулась. В дверном проеме, озаренные желтым светом, темными тенями сплелись две
фигуры. Слившиеся в страстных объятиях мужчина и женщина ввалились комнату. Оцепенелая
от появления людей, занятых нетривиальным занятием, я даже перестала дышать. Ведь ни в
одном страшном сне не могло привидеться, что я увижу Кайдена с другой женщиной. Но это
был он, а в его объятиях – любовница.

Отличный день, Валерия, исключительно удачный!

Ощувив чужое присутствие, он вскинулся и недобро уставился в мою сторону. Настырная
девица, решившая, будто напряжение любовника – это только часть игры, с низким смешком
попыталась расстегнуть ему штаны. Кайден отвел жадные женские руки и, не сводя с меня
пристального взгляда, приказал:

– Иди.

Сбитая с толку, она обернулась. Непривычный теплый свет, льющий из коридора, озарял ее
лицо. Незнакомка была до смешного похожей на меня.

– Какого черта? – возмутилась она, когда заметила, что вокруг руки паладина клубится
черный дым, и из него выплывает меч.

И, правда...

В голове стало пусто и звонко. Чувств тоже не осталось. Их заменил животный ужас. Сколько бы я ни погибала в кошмарах, была абсолютно уверена, что в реальной жизни Кайден никогда, ни при каких обстоятельствах не причинит мне вреда. Скорее покончит с собой. Только это было в другой жизни, в которой застряла я, потому что он на меня напал под визг любовницы.

Он двигался с недоступной для обычного мага стремительностью. Секунда, и уже вынырнул из пустоты, оказавшись буквально нос к носу. Меня парализовало от страха, даже попятиться не сумела. Таращилась, как кролик, в ледяные глаза и тряслась. Он схватился за лиф платья, резко дернул. Нежная ткань треснула, и пространство заполнилось звонкой дробью отскочивших на пол стеклянных кристаллов.

– Кто ты такая? – процедил он мне в лицо. Дыхание пахло виски.

– Кто
я
?

Руна «знание», нанесенная на ладонь погибшим паладином Йеном Гленном, позволяла мне понимать и разговаривать на абрисском языке, как на родном.

♣ – Двулика... – едва слышно прошелестел Кайден.

Он толкнул меня. Я должна была налететь на стекло, но вдруг оказалась в огромном холодном зале, озаренном лишь светом уличных фонарей. Тело по инерции завалилось назад. От болезненного удара спиной о каменный пол из груди вылетел воздух, но падение меня спасло.

Над макушкой промелькнул меч, и в воздухе закружилась отсеченная прядь волос.

Светло-русый локон порхал очень медленно, словно воздух загустел. Каждый удар сердца звучал протяженнее, как будто время останавливалось. Таращась на Кайдена с пола, я не верила, что сон, терзавший меня долгие ночи, все-таки оказался вещим. Острие фамильяра утыкалось в бешено пульсирующую жилку на шее. Дышать было нечем.

– Ты пожалеешь... – прошептала я.

– Вряд ли.

Он ударил недрогнувшей рукой.

– Кайден, нет! – Я вцепилась голыми руками в меч, от страха не почувствовав боли.

Наточенная кромка вгрызлась в ладонь, острие оцарапало шею. На клинке вспыхнули хищные

алые руны, засветились знаки у меня на руках. На платье стекала кровь. И, наконец, пришла

боль, отрезвляющая, почти невыносимая, но разжать пальцы было страшно.

– Не надо... – прошептала я, словно обращаясь к мечу. – Пожалуйста, не надо.

Не знаю, что заставило его пощадить меня. Уж точно не попытка перехватить клинок.

Возможно, имя, выкрикнутое без особой надежды. Но меч взорвался черным дымом и исчез.

Кровь хлынула на нелепое платье, столь же нелепо задравшееся до колен. Меня трясло.

Глубокие порезы светились – дар пытался залечить раны, нанесенные магические оружием. В

голове, точно издеваясь, крутились позабытые, но вдруг воскресшие слова, связанные в

прошлой жизни, когда Кайден меня любил:

«– У тебя такие маленькие руки, Лера. Такие тонкие пальцы.

– Руки как руки. Пальцы как пальцы.

– Но они умеют создавать удивительную магию...»

Он присел рядом.

– Почему я должен пощадить мага, наплевавшего на законы природы? Назови хотя бы одну причину, двуликая.

Во рту пересохло. Было ясно, что любое неосторожное слово могло закончиться для нас обеих трагедий.

– Рой... – прошептала я, понимая, что использую единственную возможность сохранить

жизнь. У Кайдена изогнулись брови. Последовала долгая пауза. Он взял меня за подбородок и

внимательно посмотрел в лицо.

– Откуда ты знаешь знахаря?

– Твоего лучшего друга? – с нажимом переспросила я. – Он и мой друг тоже.

– Врешь.

Я покачала головой.

– Просто переместимся к нему.

Кайден отпустил мой подбородок, задумался, будто что-то просчитывая в уме.

– Я отведу тебя к знахарю просто потому, что мне любопытно, как ты станешь выкручиваться дальше. Попытаешься убежать, и я тебя убью. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Считаю это предупреждением. – Оттого, что Кайден сыпал угрозами тем же

мягким голосом с хрипотцой, каким признавался мне в любви, к горлу подступил горький

комочек.

▲ Он выпрямился. Хотела бы я подняться гордо, без помощи, но высокие каблуки не

позволяли
грациозно встать на ноги, а раненые руки так болели, что было глупо мечтать о том, чтобы справиться с обувной застежкой.

– Помоги мне... – едва слышно выдохнула я.

– Что? – Он сделал вид, будто не расслышал.

– Помоги встать.

Кайден сжал мой локоть, одним рывком поднял на ноги. Потеряв равновесие, я завалилась на него, пятная одежду кровью. Уперлась лбом в грудь.

– Проклятье! – отпрянула от него, как от чумного.

Очевидно, что он схватил меня за локоть и не дал снова свалиться только по инерции. Самое ужасное, что монстр имел тот же знакомый мускусный аромат, как мужчина, из-за которого я перевернула два мира.

– Девочка, ты же знаешь, что Рой ненавидит Тевет? – вдруг произнес Кайден.

– Я исключение, – хрипловато отозвалась я, чувствуя, что от боли сознание начинает тускнеть.

– Он не делает исключений.

– Похоже, ты кое-чего не знаешь о своем друге.

Наследник темного клана скользил в пространстве с легкостью и точностью, отточенными годами. В пределах Абриса ему не требовались ни метки, ни маячки. Мы сделали всего один шаг, и вдруг оказались в знакомо пахнущей сушеными травами кухне знахаря, запертого в старом доме в горах. Перемещение возмутило поток воздуха. Свечи, накрытые стеклянными колпаками, не потухли, но бумаги, вероятно, лежавшие на кухонном столе, разметало по скрипучему дощатому полу. И знахарь их собирал. За последние месяцы он сильно похудел, а буйные кудри, забранные под ободок, заметно отросли.

– Старик, какого чер... – подняв голову, Рой проглотил окончание фразы.

Воцарилась глубокая тишина. Не сводя с меня потрясенного взгляда, приятель медленно поднялся. Записи выпали из рук.

– Почему ты опять в крови? – вымолвил он севшим голосом и вдруг рявкнул:

– Почему, черт тебя дери, каждый раз ты появляешься раненая?!

Надо отдать должное Кайдену, несмотря на редкий сволочизм, удерживать он меня не стал.

Позволил броситься в объятия к лучшему другу.

– Несколько дней назад вдруг пробудились твои бабочки, – обнимая меня, прошептал Рой.

– Так и знал, что ты скоро появишься.

Смутно вспомнились бабочки, которые я мастерила, чтобы успокоить нервы, когда осенью

Кайден никак не приходил в сознание после тяжелого ранения. Видимо, после Расхождения

летунии превратились в бесполезные куски перевязочной ткани.

Знахарь отодвинулся и через силу заставил разжать кулаки. Боль была

дьявольской.

Прикусила губу, чтобы не застонать.

– Ты схватилась за клинок фамильяра? – немедленно определил он, и я кивнула. – Тебя

ранил Кайден?

– Прости, что втянула тебя. Я была вынуждена назвать твое имя.

Рой бросил хмурый взгляд на друга, сохранявшего молчание.

– Ты все верно сделала, Голубая кровь. Надо заговорить порезы, пока ты не вырубилась от потери крови.

– Обычно Истинный свет справляется быстрее, но тут даже кровотечение не останавливается, и болит очень сильно, – пожаловалась я, позволяя усадить себя на стул.

– В следующий раз хорошенько подумаешь прежде, чем схватиться за магический меч.

– Кайден пытался меня убить, – сама не поверила, как спокойно произнесла совершенно абсурдную вещь.

– Убить? – переспросил Рой, почему-то обращаясь другу. Мол, ты в своем уме, приятель?

Говорят, что люди проходят пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, хандра

и только после этого наступает принятие. Я застряла на первой. Казалось, все, что сегодня

случилось – случилось вовсе не со мной. Мысль о том, что Кайден просто-напросто меня

забыл, не помещалась в голове. Казалось бы, вот он – протяни руки и дотронься, но нас по-

прежнему разделяла невидимая стена.

♣ – Я слежу за вашим воркованием, и меня гложет любопытство. – Вудс говорил с насмешкой. – Вы спали до раскола?

– На твоём месте я бы сейчас заткнулся и убрался из моего дома! – Рой с такой яростью

шарахнул знакомым ящичком с лекарскими инструментами о крышку стола, что у меня зазвенело в ушах. – Потому что, клянусь, я близок к тому, чтобы разбить тебе физиономию!

– Старик, похоже, ты в больших неприятностях, – усмехнулся Вудс. – Тебя не смущает,

что она выродок?

– Выродок?! – охнула я от возмущения. – Ты назвал меня выродком?!

– Кай, Бога ради, просто выметайся! – рывкнул знахарь, указав пальцем на дверь. Его глаза

полыхнули красным светом, а черты лица заострились. Светлые духи, а в гневе он действительно был страшен!

– Ты понимаешь, что если о ней узнают, то тебе не видать помилования? – разозлился в

ответ Кайден. – Двумилая?! Да тебя запрут в этом проклятом доме еще лет на двадцать пять!

– Я знаю, – вдруг вернул холодное спокойствие Рой и кивнул в мою сторону:

– Теперь она тоже знает. А тебе лучше уйти из моего дома по-хорошему.

– Ладно, – неожиданно сдался Кайден, но, прежде чем исчезнуть, бросил:

– Надеюсь, Голубая кровь, ты того стоишь.

– Валерия! – выпалила я, дрожащим от ярости голосом.

– Что? – Он вдруг поменялся в лице.

– У двуликих выроdkов тоже есть имена! Может, и не такие длинные, как твоe, Кайден

Николас Вудс. Так вот, меня зовут Валерия!

На несколько долгих секунд мы скрестились взглядами. Сердце бухало о ребра. На лице

Кайдена ходили желваки. Наконец, он разорвал зрительный контакт. Перешагнул через порог и

растворился в чернильной темноте. От яростного потока воздуха дверь раскрылась так широко,

что ударилась ручкой о стену. Рой затворил ее, навесил на засов и тяжело вздохнул, уперев

руки в бока.

– Какой абсурд, – пробормотала я, едва шевеля языком. – Он меня совершенно не помнит!

– Давай, начнем с того, что избавим тебя от ран, – невпопад вымолвил знахарь.

На полу тянулась дорожка из мелких клякс, а я сама была перепачкана кровью; платье

оставалось только выбросить. Да и ладони болели так, что хотелось завить в голос. Не о такой

встрече в Абрисе я грезилa, когда долгими ночами пыталась пробудить артефакт.

Знахарское стило было длинным и острым, как иголка. Каждый раз, когда Рой дотрагивался

до ладони, казалось, будто кожу протыкали. Сверкала вспышка, тянулся красноватый лучик,

похожий на блестящую нить, и новый стежок стягивал края раны. Перед врачеванием приятель

предложил сделать пару глотков виски, но я страдала непереносимостью. Вырубилась бы в два

счета и не задала связного вопроса, а их накопилось немало.

– Это произошло во время взрыва? – тихо спросила я. Острые стило замерло над ладонью,

потом последовал новый болезненный укол. – Рой, не молчи! Во время взрыва?

Но знахарь крепко сжал губы, словно давая понять, что вопрос уже содержит ответ.

– Как много он забыл?

– Сначала он забыл последние полгода, но через пару седмиц большая часть воспоминаний

вернулась, – скупо объяснил Рой.

– Тогда, что происходит? – Я ничего не понимала.

– Воспоминания о событиях вернулись, не все, конечно... Однако в тех, что восстановились,

тебя не было. Ты как будто вырвана из его памяти. Незнакомка. Считай, что сегодня он увидел

тебя впервые.

Жестокая правда заставляла цепенеть. Казалось, тронь меня и рассыплюсь на куски.

– В его воспоминаниях нет только меня? Вместо меня одни дыры?

Рой с сожалением вздохнул:

– Человеческое сознание – странное, оно легко заполняет просветы. У него в голове не

воспоминания, а сплошная каша.

– И ты не говорил обо мне? Не пытался прояснить?

– Прости, Валерия. Твои бабочки перестали летать и...

– Ты решил, что я погибла?

– Да.

♣ Он прятал глаза. В Абрисе никто не знал о романе наследника Вудсов с теветской девушкой, только Рой. Он мог бы что-то исправить, но не стал. Почему? Ответ был очевиден.

– Я подумал, может, к лучшему, что он все забыл? Сомневаюсь, что Кайдэн пережил бы

твою смерть, – подтвердил знахарь догадку.

– Верно, – с горечью прошептала я, удивляясь, как, вообще, после шокирующих открытий оставалась в сознании. – Мне даже в голову не приходило, что из-за взрыва он мог потерять

память. Проклятье, это... так бессмысленно! Он должен меня вспомнить! Люди, теряющие

память, когда-то ее восстанавливают. Так ведь?

У знахаря сделалось странное лицо.

– Я не знаю, Валерия. Прости.

Врачевание мы заканчивали в гробовом молчании, а когда Рой отложил стило, то на месте

глубоких кровоточащих порезов на ладонях остались тонкие розоватые линии.

– Осторожнее, а то разойдутся, – заметил знахарь, когда я попыталась пошевелить

пальцами. Раны исчезли, но боль осталась, пусть не столь резкая.

– Я бы умылась... – пробормотала я и оглядела платье с заскорузлыми бурыми пятнами. –

А еще лучше помылась.

– Спальня и банная в твоём распоряжении.

Не поднимаясь со стула, я расстегнула застёжки у босоножек и встала горящими ступнями на

прохладный пол. Один золотистый туфель неловко завалился набок, словно ощерившись

высоким острым каблуком.

– Сегодня мой отец женился, – вдруг вырвалось у меня, – а я даже в храме не появилась.

Папа меня возненавидит!

– Как ты переместилась? – вдруг спросил Рой.

– Создала артефакт, ворота в Абрис, – у меня вырвался горький смешок. – Проклятье!

Научный руководитель мною бы гордился. Жаль рассказать никому нельзя.

– Ясно... Тебе надо выпить кофе.

– Не стоит, – сморщилась я от одного воспоминания о горьковатом вкусе напитка. Кофе на

время восстанавливал запас магического света, прогонял измождение и болезненную ломоту.

Зато потом они наваливались резко, в троекратном размере. Мне и прежде не требовалось

много времени на восстановление, а теперь я практически не испытывала магического

голодания, только обычную физическую усталость.

Придерживая подол платья, я взяла подсвечник и, озаряя путь, в тишине поднялась на второй

этаж. За зиму полы в доме знахаря стали скрипеть сильнее. В спальне, где я обычно

останавливалась, было открыто окно – хозяин дома действительно, будто ожидал моего

появления. Сквозняк потушил свечу, рванул занавеску, и в холодный, пахнувший дождливой свежестью воздух взметнулись белые бабочки. В темноте на трепыхавшихся матерчатых крыльях светилась сложная руническая вязь.

Подсвечник выпал из рук, глухо стукнулся о доски. Оплавленный огарок вылетел из гнезда.

Привалившись спиной к закрытой двери, я без сил съехала на пол. Поджала колени к груди и спрятала лицо в ладонях. От рук пахло кровью.

Было глупо плакать. В конце концов, исправить можно все, кроме смерти. Главное, что

Кайдена жив. Я помогу ему вспомнить о нас. По обрывкам, по клочкам, по осколкам, но мы

соберем наше прошлое, чтобы счастливо жить в настоящем и мечтать о будущем...

Зажав рот, чтобы Рой не услышал истеричных всхлипов, я задохнулась от рыданий.

Мы вовсе не изменили миры, а возвели между ними непреступную стену. И заплатили за содеянное.

Кайдена

— Сколько тебе лет? — голос юной девушки, сидевшей напротив Кайдена в карете, был

мягким и очень взрослым.

▲ — Назови свое имя.

— Валерия Уварова...

Он резко открыл глаза. В окно Белого замка смотрело бледное рассветное утро. Выходило,

что поспать удалось всего пару часов. Сев на кровати, он спустил босые ноги на ледяной пол.

Сгорбился, как старик. Надавил пальцами на глаза, надеясь изгнать боль, но добился прямо

противоположного эффекта. Мигрень взорвалась ослепительным фейерверком. Лучше бы сразу проглотил порошки.

Головные боли и странные сны появились в конце прошлой зимы, после тяжелого ранения. С

отрядом паладинов они вылавливали в Реликтовом лесу черного колдуна, и для Кайдена все

закончилось скверно. Рой вытащил лучшего друга с того света, но началось форменное

чистилище. Хотя, вообще, не засыпай. Видимо, прежде чем отдать душу демонам, колдун успел его проклясть.

Десятки раз во сне Кайден оказывался в той карете с юной девушкой из Тевета, но вплоть до сегодняшней ночи черты ее лица никак не удавалось рассмотреть. Погода стояла дурная, осенняя, а она была обута в летние сандалии. Забилась в угол скамьи, но смотрела ясными каре-зелеными глазами прямо. Взрослый голос, манера говорить, жесты, рассыпанные из небрежного пучка светло-русые волосы – абсолютно все в ней заставляло Кайдена цепенеть, как мальчишку.

И то, что случилось накануне, выводило его из себя! Мало того что загадочная незнакомка и двулика носили имя Валерия, у них оказалось одно лицо.

ГЛАВА 2. ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Закончив короткую тренировку, распаренная и горячая, я упала спиной в траву. Сезоны в Тевете отставали от абрисских. Дома только-только начался сезон цветения жимолости, а в Абрисе приближался закат лета, и в воздухе разливался горьковатый запах полыни. Небо, словно выжженное солнцем, утратило яркость, но казалось необъятным, дух захватывало. Хотелось протянуть руку и дотронуться до нежной пены облаков, рисовавших по желто-зеленым холмам неровные тени.

– Валерия! – разнесся по двору взволнованный голос Роя.

Заставив себя сесть, я поприветствовала обеспокоенного знахаря, стоявшего с кружкой в руках на ступеньках. Поднялась, отряхнула штаны, найденные в женских вещах, и направилась к дому.

– Не зря говорят, что теветцы умеют заваривать чай, – произнес он, подвигаясь в дверях. –

Пахнет божественно. Что ты туда добавила?

– Лучше тебе не знать, – честно призналась я, вспоминая, какую дикую смесь трав засыпала в заварочный чайник.

– Мать моя, почему он такой горький? – пробурчал знахарь, испробовав «божественный напиток» на вкус. – Что ты делала, едва продрал глаза?

– Тренировалась.

– Любишь попрыгать с утра? – Рой размял шею.

– Ненавижу прыгать в любое время суток, но приемы самозащиты приходится повторять, иначе тело забывает, а с утра, по крайней мере, бодрит, – в противовес собственным словам я широко зевнула.

♣ – Да, вижу. Ты лучишься бодростью духа, – сыронизировал Рой, следуя за мной

на кухню.

Пока я наливала себе горького, но хорошо тонизирующего отвара, устроился за столом и тут же взял в руки исписанный лист. Пробежался глазами по строчкам. Почерк у меня был отвратительный, а на абрисском я писала еще неряшливее, чем на теветском.

– Что это?

– Все эти вещи необходимы для создания ворот в Тевет.

– Ты решила вернуться?

– Нет. В смысле, пока, нет... – Я вдруг растерялась, ведь за ночь не смогла решить, как

поступить. – Но мне нужен план. Ты не сможешь меня прятать вечно.

– Валерия, мой дом – твой дом. Живи здесь столько, сколько хочешь, – без раздумий

предложил Рой. – Поверь, никто не станет искать у меня двуликого мага. Ни для кого не

секрет, что я никогда не отличался лояльностью к Тевету.

– Знаю, но у меня из головы не выходят слова Кайдена. Если из-за меня ты не получишь помилования...

– Кайден отлично умеет искажать правду, – с досадой перебил Рой. – Если я не получу

помилования, то, поверь, ты будешь ни при чем.

– Тогда... и мне неловко спросить...

– На артефакты нужны деньги? – уточнил он и отхлебнул горький напиток.

– В Абрисе есть монетный двор, где обменивают теветские золотые на абрисские серебры?

– Нет.

– Тогда долг ты точно не получишь обратно, – предупредила я. – Ты даже не сможешь получить лицензию на артефакт, потому что мне придется использовать и темные, и светлые руны.

– Не переживай, я потом все расходы стрясу с твоего парня, – пошутил Рой, и в кухне немедленно сгустилось напряжение.

– Моего парня? – усмехнулась я. – К сожаленью, он забыл обо мне и вчера попытался убить. Все, что случилось, кажется злой шуткой, и только поэтому я не бьюсь в истерику.

Врушка.

Возникла долгая пауза. Рой потер переносицу. Машинально хотел прихлебнуть горький отвар, но, видимо, вспомнил о мерзостном вкусе и отставил кружку.

– Проблема, Валерия, в том, что он стал прежним Кайденом Вудсом, – наконец, высказался

он. – Объективная реальность такова, что он хороший друг, преданный клану паладин и редкостная сволочь, когда дело касается женщин и теветцев.

– А я, вообще, два в одном?

– Ты двулика.

– Прозвучало приговором, – сухо заметила я.

– Извини, не хотел обидеть, – сморщился приятель. – Валерия, как друг, я обязан тебе

посоветовать вернуться в Тевет. Попытаться наладить жизнь, найти нормального

парня. Для вас с Кайденом, возможно, такой вариант расставания – самый простой. Но я слышал, как ты рыдала всю ночь, как будто кто-то умер, и понимаю, что дружеских советов ты слушать не намерена.

– Ты прав. Если Кайден захочет видеть меня рядом, так тому и быть. – Я помолчала. –

Правда вряд ли он появится.

– Появится, – не согласился знахарь, – даже не сомневаюсь. И быстрее, чем ты думаешь.

– Почему?

Хотя сказанное должно было вселять надежду, что-то в тоне знахаря заставляло нервничать.

– Мы же говорим о тебе. – Приятель пожал плечами. – Неважно, что помнит Кайден, а что забыл. Он тебя увидел и больше не отпустит. Некоторым суждено сходить с ума друг по другу.

– Дрожь пробирает от твоих слов, – пробормотала я.

Вместе со знахарем мы спустили с чердака пыльный сундук с женскими вещами.

Перебрав

ворох нарядов, мне удалось выбрать несколько платьев по размеру, отвратительно облегающие

штаны и приличный вязаный кардиган, только в одном месте слегка подточенный молью. Не

откладывая дело в долгий ящик, я переоделась в белый сарафан, натянула открытые босоножки

и собралась в магическую лавку в соседней деревне. Рой, не споря, согласился меня

сопровождать. Правда, он не предупредил, что топать нам предстояло почти две мили под

горку.

♣ Обычно Абрис встречал меня промозглым холодом с непрерывным дождем или трескучими

морозами и сугробами, словно с порога пытался вытолкнуть взашей. Но сегодня светило

улыбчивое солнце, от запаха горных трав кружилась голова, а я впервые за долгое время

позволила себе выйти из дома с открытыми руками, рассудив, что вряд ли оскорблю чувства

приличных абрисцев темными рунами.

По дороге мы с Роем болтали обо всем и ни о чем, ловко избегая болезненных тем. Я давно

заметила, что он, вообще, старался не лезть в душу и не задавать вопросов, неизбежно

способных разбередить раны. Только один раз разговор принял опасный оборот, когда знахарь

во время моего рассказа об артефактах для принцессы, между делом, поинтересовался:

– Почему ты создала ворота, которые открываются только в одну сторону?

– Вообще-то, я не планировала так быстро возвращаться в Тевет. Думала, что у меня будет

куча времени, чтобы спокойно переделать «Сердце Абриса». Магия очень сложная...

– Какое имя ты дала артефакту? – перебил Рой.

Мне вдруг стало неловко. Сердцем Абриса называли особенную темную руну, идеальное сочетание семи ключей, которые использовали в написание колдовских знаков. Считалось, что если она потухнет, то магия исчезнет. В то время, когда мы познакомились с Кайденом, сердце его мира уже спало.

– Все равно магия должна как-то называться, чтобы подчиняться владельцу, – буркнула я.

Между нами повисло молчание, но вдруг знахарь признался:

– Она зажглась.

– Руна? – оживилась я.

– Да, из-за большого взрыва. Мы все чувствуем, как Абрис наполняется магией. Кажется, даже дышать сейчас легче. Все ожидают, что через пару-тройку поколений восстановится равновесие, и в обычных семьях начнут появляться одаренные дети, как до Схождения.

– Ну хотя бы что-то мы сделали правильно, – вздохнула я, не испытывая ни капли радости.

В голове крутилась досадная мысль, что, по мне, лучше бы проклятая руна продолжала спать, и Кайденом не потерял ни единого воспоминания. Эгоистично, но в хорошие люди я себя никогда не записывала.

Дорога раздваивалась, одним хвостом огибала скалистый выступ, другим – убегала к холмам. На развилке стоял указатель, и рядом с названием селения красным цветом пульсировала незнакомая руна.

– Что за знак?

– Клановый символ. Эти земли принадлежат Вудсам, – пояснил Рой.

– И много земель? До самого горизонта? – съехидничала я и обвела рукой горную долину с бесконечными зелеными холмами, врезавшимися в горизонт.

– Дальше, – сухо вымолвил знахарь. Видимо, в Абрисе о колдовских семьях и их собственности шутить было не принято. – Много дальше.

Селение встречало путешественников надписью с символом Вудсов. Торговые лавки тянулись с двух сторон тракта, а каменные одноэтажные домики с остроконечными крышами взбирались на пологую гору, образуя ступени.

– Мне надо к аптекарю, – кивнул Рой в сторону торговой лавки с рисунком змейки, нанесенным на витрине.

– А где магическая лавка?

– Дальше по дороге, но одна ты не пойдешь! – отрезал знахарь, и когда я демонстративно закатила глаза, то нехотя согласился:

– Я буду через десять минут. Деньги возьми.

– Не переживай, приятель! За десять минут меня точно никто не украдет.

– Не заблудись! – Он отдал мне кожаный кошель с позвякивающими внутри серебрями.

– Могу, но негде, – в притворном сожалении развела я руками, намекая, что, несмотря на топографический кретинизм, просто не в состоянии заплутать на прямой дороге.

Магическая лавка поприветствовала посетителей таким громким бряцаньем колокольчика, что я с трудом удержалась, чтобы не вжать голову в плечи. Потолок в торговом зале оказался гораздо выше, чем могло показаться снаружи, что невольно наводило на мысль о руне, расширявшей пространство.

— Госпожа чародейка! — охнул торговец и согнулся в низком поклоне. — Добро пожаловать!

▲ — Здравствуйте, — опешила я, уже собираясь улизнуть на улицу, дожидаться Роя и попытаться войти снова. Видимо, в мире, где колдовским талантом обладали только избранные, появление в магической лавке человека с даром было событием. Сама не знаю отчего, чтобы скрыть темные знаки, спрятала руки за спину.

— Чем могу вам помочь? — выскочил торговец из-за прилавка. — У нас, как видите, торговля мелкая. Никаких особенных вещей не держим.

На мой взгляд, лавка была, как лавка, чем-то похожая на те, что повсеместно стояли в Тевете.

Ряды книг на полках, хозяйственные артефакты, грозди защитных амулетов, многочисленные притирки в темных флаконах.

— Мне нужны гримуары с рунами, — вымолвила я, чуть не поперхнувшись произнесенным словом «гримуар», хотя пыталась сказать на теветский манер «сборник». — С пояснениями.

— У нас только учебная литература, — извиняющимся тоном отозвался торговец. — Самые простые книги.

— Неважно.

Он принялся доставать с полок томики в плотных кожаных переплетах с заклепками и металлическими уголками.

— Домашние ритуалы? — бросил на меня торговец быстрый взгляд. Оторвавшись от разглядывания незнакомой руны, нанесенной на деревянный столп, я отрицательно покачала головой.

Торговец сложил на стол высокую стопку, указал мне на стул и позволил спокойно изучить книги. Как я и подозревала, даже простой учебник рун в Абрисе оказался богаче на магические знаки, чем все манускрипты, вместе взятые, из тех, что мне удалось нарыть в закрытом архиве Королевской библиотеки.

— Что изучаешь? — прозвучал знакомый голос над ухом.

Вздрагнув, я резко повернулась и в буквальном смысле оказалась нос к носу с Кайденом. Он

специально склонился, чтобы наши лица были на одном уровне, а губы разделяли всего

несколько дюймов. Я так увлеклась изучением гримуаров, что не услышала ни звона колокольчика, ни шагов! Некоторое время таращилась на него широко раскрытыми глазами, не

веря, что он близко-близко, а мне даже дотрагиваться запрещено.

– Привет, – тихо промурлыкал Кай, приподняв уголок рта в незнакомой сексапильной усмешке. Интересно, снизойдет ли на него просветление, если по голове ему ударить увесистым гримуаром? Проверить оказалась тонка кишка.

Отвернувшись, я с чувством захлопнула фолиант и поднялась из-за стола. Нежданному гостю пришлось подвинуться.

– Ты на меня злишься? – спросил он.

– Нет.

Положила на прилавок выбранный томик и обнаружила, что хозяин лавки смотрел на темного паладина с открытым благоговением. Он нервов даже испарина на лбу выступила.

– Сколько? – спросила я, пытаюсь привлечь внимание.

– Примите в дар. – Торговец обращался к мужчине за моим плечом. – Моя лавка всегда открыта для ваших друзей, господин Вудс.

Светлые духи, у Кайдена на лбу написано, что он тот самый наследник клана? Или, может, по клановым землям специально распространяют семейные портреты Вудсов, чтобы подданные не путали принцев с дворняжками?

– Он мне не друг, поэтому возьмите деньги, – резковато произнесла я и расшнуровала кожаный кошель. Торговец сделала вид, будто оглох, и принялся рьяно заворачивать гримуар в плотную коричневую бумагу. Перевязал бечевкой. Спорить я не стала, книга была важнее гордости. С независимым видом подхватила сверток и, коротко попрощавшись, направилась к дверям.

– Все верно, ты имеешь право злиться, – произнес вслед Вудс мягким голосом с бархатными интонациями.

Я замерла, точно по телу от макушки до пяток прошел магический разряд. Было дико слышать от незнакомца с лицом Кайдена слова, произнесенные давным-давно, в ту ночь, когда меня похитили на вечеринку паладинов и нанесли темную руну.

– Не молчи, – в его тоне слышалось раздражение.

♣ – Думаешь, я буду выяснять отношения на людях? – сухо бросила я через плечо и толкнула дверь лавки. Снова над головой противно звякнул колокольчик. После полумрака торгового зала, солнце на секунду ослепило. Кайдена в два счета нагнал меня, сжал локоть и тихо произнес:

– Как скажешь, Голубая кровь.

В лицо ударил поток теплого воздуха, дыхание перехватило, а желудок неприятно устремился к горлу. Я опомниться не успела, как обнаружила, что мы стояли на накатанной дороге, разрезавшей реликтовый лес. Гладкие стволы вековых деревьев затягивал изумрудный мох,

землю скрывали высокие папоротники. Солнце с трудом пробивалось сквозь сплетенные кроны.

– Здесь нет людей, – объявил маг, отходя на шаг.

– Вижу, – озираясь по сторонам и покрепче стискивая сверток, бесцветно отозвалась я.

Решительно развернувшись, чуть не уткнулась носом в грудь Кайдена, неловко попятилась и

сердито вздохнула. Он не удержался от смешка. Сволочь!

– Хорошо, Кайден Николас Вудс, спрашивай! Раз ты похитил меня из-под носа своего

лучшего друга, значит, что-то хотел спросить? Спрашивай.

– Ты забыла вещи в моей комнате.

– Я выронила сумку, когда ты напал на меня, – холодно поправила я. – Где она?

– В доме у знахаря.

Он явно забавлялся, заставляя меня злиться.

– В таком случае тебе стоит вернуть меня обратно! – зло фыркнула я.

Неожиданно его улыбка растаяла, а в глазах блеснул лед.

– Как вы познакомились с Роем?

– Меня похитили на вечеринку паладинов и нанесли руну. – Я вытянула руку и раскрыла

ладонь, показывая грубый шрам. – Рой помог мне пережить, пожалуй, одну из худших ночей в

жизни. Так мы познакомились.

– И почему он бросился спасать Голубую кровь?

– Он не бросался, ему выбора не оставили. Меня привезли в дом Роя без сознания.

– Кто?

– Ты.

На лице Кайдена не дрогнул ни единый мускул. Он всегда отлично умел прятать эмоции. Мы

точно играли в детские гляделки, кто кого пересмотрит и сдастся. Выдержать ледяной взгляд

было непросто. Я вцепилась в книгу, точно в спасательную доску.

– Этого не было, – разрывая зрительный контакт, после долгого молчания спокойно

опроверг он.

– Если ты чего-то не помнишь, то не значит, что этого никогда не было, – дернула я плечом.

– Ты просто не помнишь.

– Я никогда не страдал потерей памяти.

– Так ли? – усмехнулась я. – В таком случае позволь и тебе задать один вопрос. Как

случился большой взрыв? Почему рассыпался дом Исаи Гленна?

– А ты многое знаешь.

– Просто ответить.

– Двумикий пытался разрушить границы, чтобы избежать смерти, но случился взрыв. Он все

равно погиб, а миры разошлись.

– Как звали того двумикого? Валентин Озеров?

На мгновение в лице мужчины мелькнуло удивление, но он снова справился с эмоциями.

Проклятье, Рой был прав, воспоминания Кайдена находились в хаосе. Похоже, он полагал,

будто ловил двумикого мага, чтобы провести ритуал для пробуждения «Сердца

Абриса», а

Валентин убежал и защищался.

– Ты помнишь неверно, – покачала я головой.

– Как можно помнить неверно?

– Начнем с того, что был не двуликий, а двуликая. Девушка. Она вовсе не хотела разрушать

границы, наоборот пыталась не допустить, чтобы миры разошлись. И еще кое-что...

Она не

погибла во взрыве.

– Чушь.

– Нет.

– В таком случае покажи мне ее! Где она?

▲ – Перед тобой.

Казалось бы, в лесу просто не может быть гробовой тишины, но именно она наступила после

моего короткого признания. Природа будто замолчала вместе с нами, ни дуновения ветра, ни

шелеста листьев.

– Если я ответила на все твои вопросы, то можем мы вернуться? Рой наверняка волнуется.

– Расскажи о том дне в доме Исаи Гленна! – даже не потребовал, а приказал Кайден.

– Нет, – отказалась я. – Как вспомнишь сам, приходи. Сравним воспоминания.

В лицо мне ударил злой сквозняк, мужчина точно мигнул, и оказался рядом. Носы наших

ботинок соприкасались. Кайден грозно навис надо мной, и продолжать разговор мигом

расхотелось.

– Я могу заставить, – тихо вымолвил он.

Стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, я вздернула подбородок.

– Ты можешь мне грозить, Кайден Николас Вудс, но на самом деле, больше не посмеешь ко

мне даже пальцем прикоснуться.

– С чего ты так решила, Валерия?

– Побоишься.

– Да неужели?

– Рой – твой единственный настоящий друг. Ведь с наследниками кланов не дружат, ими

просто пользуются. Так?

Пауза была бесконечной.

– Маленькая дерзкая дурочка, – усмехнулся он, поднял руку и легонько ткнул мне пальцем

в центр лба, заставив удивленно моргнуть. – Я прикоснулся к тебе.

Сделав медленный шаг назад, он растворился в пространстве. Меня окатило волной возмущенного воздуха, поднявшего с земли мелкие веточки, камушки и пыль.

Прикрылась,

чтобы соринки не попали в глаза. Когда пространство успокоилось, то я развернулась вокруг

своей оси и позвала:

– Кайден?

Лес молчал. Темный паладин, словно надо мной издевался.

– Кайден Вудс, что за глупые прятки? Куда ты делся?!

Эхо вернуло мне истеричный вопль. Он действительно бросил меня одну посреди леса!

– Проклятье! Скотина! – процедила я, искренне сожалея, что не сделала на знахарском доме метку, подобную той, что оставляли темные паладины в Тевете. У меня было мало опыта в перемещениях, и без меток я часто ошибалась адресом. Страшно вспомнить, в какие глупые ситуации попадала. Однажды возникнув в гостиной соседского особняка, вообще, оставила попытки изображать из себя лихого наездника, ловко седлавшего пространство.

Рисовать руны на теле да еще без стило было последним делом, но именно пальцем посреди

ладони, едва-едва залатанной Роем, я начертала кривую спираль «перемещение».

Ненавижу темные руны! В отличие от светлых, не приносивших боли, абрисские знаки

жглись, как проклятые. «Перемещение» и вовсе одна из самых болезненных.

Морщась от боли, я заставила магию пробудиться и пробормотала:

– Только не в колодец.

Перед мысленным взором появился знахарский домик в горах, темные стены, знакомые

ступеньки и кухонные окна. Секундой позже меня точно дернули за веревку, привязанную шею.

В расколотое пространство я не нырнула головой и вылетела, как пробка из бутылки. С грацией

коровы растянулась на траве, прилично расцарапав коленки.

Конечно же, я промахнулась! Оказалась под указателем на деревню, на полпути от уединенной обители. Идти предстояло в гору, но перемещаться еще раз просто не решилась.

Хорошо, что не попала в колодец, точно бы шею свернула или захлебнулась.

Через полчаса прогулки под палящим солнцем дико захотелось пить, ремешки сандалий до

крови натерли ноги, да еще после перемещения захотелось есть. Растрата магии всегда

вызывала во мне приступы голода, а голод – нелогичную ярость. Попадись сейчас Кайден,

свернула бы шею голыми руками или надавала по голове тяжелой книгой. Не стесняясь в

выражениях, я поносила Вудса всеми известными ругательствами на обоих языках, а когда

воображение и словарный запас иссякли, повторила. Может, и по третьему кругу проехала, но

вперед замаячил знахарский двор с потемневшими от времени и дождей хозяйственными

постройками.

♣ В ожидании меня Рой мерил шагами клочок земли перед воротами, а когда завидел, то еще издалека рванул навстречу.

– Какого черта ты исчезла? – заорал он.

– Приятеля своего спроси, – зло выпалила я. – Он бросил меня посреди леса!

Скот!

Ненавижу!

Вдруг знахарь вернул спокойствие и заметил:

– А вчера ты утверждала, что до смерти его любишь.

– Люблю, но прямо сейчас ненавижу!

Три года родительский дом являлся для Роя темницей. Талантливый знахарь-отшельник.

Дальше деревни, находившейся в долине, он уходить не мог, и в заброшенное святилище со сгоревшими после большого взрыва магическими воротами, поводок не дотягивался. В храм мне пришлось ехать одной.

На рассвете Рой проводил меня до селения. Аптекарь собрался в большой город и согласился подбросить меня до соседней долины, откуда было недалеко до святилища. Погода, как назло, испортилась. Чистое высокое небо затянуло туманной дымкой, а горные пики окутали плотные облака.

– Как закончу в храме, сразу вернусь, – увещевала обеспокоенного, а потому хмурого приятеля. – Я поставила метку на доме, поэтому точно не промахнусь.

Сама-то я считала, что любой встречный легко распознает во мне теветку, но без рунической

вязи, нанесенной на стены храма, не понимала, как создать ключ от дверей домой.

– Хорошо. Счастливой дороги, – было заметно, что отпускал скрепя сердце.

Аптекарь ехал на облучке с возницей, мне досталось место в повозке. Понукнули стригущую

ушами лошадку, тронулись. Заскрипели деревянные колеса. Рой шел рядом, держась за борт.

На его шее проявлялась заметная алая полоса, словно стягивался невидимый ошейник. Сам того

не замечая, знахарь потерял место, где выделялся кадык.

– Рой, тебя сейчас удушит, поэтому остановись, – попросила я и еще раз продемонстрировала ладонь с кривой руной «перемещение», магии в ней на одно короткое

скольжение было достаточно. – Клянусь, со мной все будет хорошо.

– Ладно, – сдался он.

Повозка отъезжала, а он по-прежнему стоял на дороге, широко расставив ноги, и провожал нас хмурым взглядом.

Теперь казалось нереальным, что в первую встречу около года назад

знахарь отказывался называть меня по имени. Прощаясь, он поднял руку.

К тому времени, как мы добрались до соседней долины, сверху закапало. Пришлось надеть

дождевик и накинуть капюшон. Возница остановился возле указателя со светящимся гербовым

знаком Вудсов. Когда я спрыгнула на дорогу, то мне подсказали направление.

Уверив, что если

вдруг заблужусь, то сразу же вернусь в знахарский дом, я попрощалась с попутчиками и

ступила на давно нехоженую, почти заросшую дорогу к храму, венчавшему крутой холм.

Абрисское святилище представляло собой башню с окнами под самой крышей. С одной

стороны стену накрывало темно-изумрудным покрывалом плюща. Земля перед входом была

вытоптана, не росло ни единой травинки. Дверь, как Рой и пообещал, к моему приезду отперли.

Колдунам в Абрисе отказывать было не принято, и он специально отправил послание к

смотрителю храма, просил открыть святилище для приехавшей в деревню чародейки.

Внутри царил холод, тусклый свет пробивался через узкие окна, больше походившие на

бойницы. На полу темнел круг, от которого во все стороны разлетались выжженные лучи,

словно каменный жертвенник являлся эпицентром взрыва. Стены покрывали черные выжженные руны. Раньше это место было наполнено древней темной магией. Она чувствовалась в плотном холодном воздухе, но теперь ничего не осталось, ни единой искорки

– все выжег большой взрыв.

Вытащив из заплечной сумки блокнот, я стала перерисовывать рунические письма. На стенах

была настоящая каша, приходилось разбираться в плетениях, имевших хоть какое-то отношение

к перемещениям. Увлечшись, я совершенно забыла о времени и очнулась, когда осознала, что

внутри святилища сгустились сумерки, а на улице шумел дождь.

Размяла затекшую шею, развернулась к жертвеннику, на котором оставила сумку, и остолбенела. Прислонившись к высокому камню и скрестив руки на груди, за мной следил

Кайдэн. Закатанные рукава летнего узкого плаща открывали фамильяры – магические рисунки, похожие на татуировки. Левое предплечье обвивали змеинные кольца, морда зверя

утыкалась в локтевой изгиб. На правом – теснились «перемещение» и пятиконечные звезды.

Скорее всего, они тоже являлись магическим арсеналом и по желанию паладина превращались

в реальное оружие.

Стараясь сохранять самообладание, твердыми шагами подошла к алтарю, засунула блокнот в

сумку и затянула шнурок. Кайдэн не сводил с меня пристального взгляда.

– Поешь со мной, Валерия.

Мы оба понимали, что он предлагал перемирие.

– Нет.

– Это была не просьба.

– Я догадалась.

Перекинув торбу через плечо, я раскрыла ладонь и заставила руну «перемещение» вспыхнуть

розоватым светом. По воздуху разбежались круги, перед взором появилась смазанная метка,

оставленная под знахарским крыльцом, но сделать шаг в сторону дома Кайдэн мне дал. Сжал

запястье, и руна моментально погасла. На ладони даже следа не осталось.

– Проклятье! Ты можешь меня не хватать? – возмутилась я, начиная злиться.

– Тебе лучше сейчас не возвращаться.

– У Роя гости? – удивилась я, а когда Кай кивнул, то и огрызнулась:

– Мог сразу сказать?

– Так ты поешь со мной? – невпопад спросил он.

– Нет.

– Не голодная?

– Голодная, – согласилась я, – но не хочу сидеть за одним столом с человеком, который

пытался меня убить. А еще бросил посреди леса, даже не задумавшись, как я буду возвращаться домой.

– Справедливо, – вздохнул мужчина, соглашаясь с тем, что противница не желает мириться.

– Ты хочешь, чтобы я извинился?

– За то, что едва меня не прирезал? Или за то, что отдал за прокорм диким зверям?

– В том лесу не водятся дикие звери, разве что кролики и белки.

– В таком случае извинения, конечно, уместны! – огрызнулась я.

– На самом деле, я пытаюсь быть вежливым, потому что Рой попросил занять тебя до вечера,

– признался он. – Просто ненавижу есть в напряженной атмосфере – кусок в горло не лезет,

но раз у тебя паршивое настроение, то счастливо оставаться, Валерия. Не думаю, что тебе стоит

появляться дома до темноты.

Внутри кипело.

– У меня не паршивое настроение! – фыркнула я. – Мне компанию предложили паршивую!

– Какая есть, – развел он руками.

Как заставить Кайдена вспомнить прошлое, если единственное, чего хотелось – это заехать

по его самодовольной физиономии? Пусть физиономия и была отчаянно привлекательная.

Молчу уж про сексапильное колечко в губе... Оставалось надеяться, что во время трапезы не

возникнет желания надеть ему на голову посудину с едой или впечатать кулак в это самое

колечко.

– Подожди! – позвала я, прежде чем он успел исчезнуть.

– Да?

– Я бы действительно поела, – прозвучало сердито.

Ожидала, что он переместит нас сразу к дверям какой-нибудь трапезной, но мы оказались под

горой, ровно в том месте, где я прыгнула с повозки аптекаря. Под указателем нас поджидала

карьета с возницей. Ливень утих, но сверху все еще моросило. Дорога, убегавшая за скалистый

уступ, напоминала мягкое сливочное масло.

Нам немедленно открыли дверь экипажа, разложили ступеньку.

– Забирайся, – скомандовал Кайден, помогая мне залезть в салон. Сам уселся напротив и

смахнул с одежды капли дождя.

– Экипаж? – не утерпела я, когда мы тронулись с места.

– Я слишком много сегодня скользил, – сухо пояснил он.

♣ По размытой дороге мы ехали тихо, но каждый раз, когда я смотрела в окно, пейзаж менялся.

Вроде только находились в низине, как затянутая дождливой дымкой долина открылась сверху.

Потом вдруг брызнуло полуденное солнце, и появился чистенький, умытый ливнем городок.

Выглядело так, будто экипаж перепрыгивал через огромные расстояния, что невольно наводило

на мысль о какой-то особенной руне, пересекающей пространство, возможно, нанесенной на карету или даже на лошадь.

– Такое уже было? – вдруг прервал молчание Кайдэн. Похоже, все время, пока я таращилась в окно и удивлялась резко менявшимся пейзажам, он изучал меня и выглядел, прямо сказать, нерадостным.

– Что именно?

– Мы вдвоем ехали в карете?

Я смело встретила его пристальный взгляд и кивнула:

– Да.

– Почему я тебя совершенно не помню?

– Задай этот вопрос себе.

Мы замолчали, в тишине было слышно, как звенели по брусчатке конские копыта, стучали колеса. Судя по тому, что улицы оставались сухими, а деревья пыльными, дождя, беспрестанно омывшего горные долины, здесь заждались. Карета остановилась напротив смутно знакомого постоянного двора.

Именно сюда мы приезжали в ночь знакомства! Я была сбита с толку. Кайдэн отличался поразительным постоянством или просто хотел проверить мою реакцию?

Подворье явно процветало, было многолюдно и шумно. В прошлый раз мы приехали в темноте, погода стояла отвратительная. Изучать постройки желаний не возникало, и я не разглядела ни побеленного фасада с перекрещенными рейками, ни выкрашенных в густо-коричневый цвет раскрытых ставен. На дверях светился символ Вудсов, а на раскладной доске с помощью мелка было написано дневное меню.

Нас снова проводили в отдельный кабинет, куда гвалт переполненного обеденного зала проникал лишь неразборчивым гудением. Прежде чем закрыть двери, Кайдэн тихонько отдал указания подавальщику, и пока я умывалась, принесли еду.

Мы сели за столом напротив друг друга, разделенные большой миской с куриной лапшой, котелком с мясом и блюдом с крупно нарезанными овощами, политыми янтарным маслом и посыпанными перцем. Кайдэн подхватил глубокую плошку и щедро налил суп, потом посыпал сверху порубленной зеленью. Не спрашивая разрешения, он поставил угощение передо мной, а потом в растерянности принялся хлопать себя по карманам.

– Не возражаешь? – наконец, продемонстрировал он вытасненный бумажный треугольник.

Раскрыв конвертик, высыпал в рот какой-то порошок и, поморщившись от горечи, быстро запил водой.

Никогда не видела, чтобы Кайдэн принимал снадобья. Спрашивать напрямую, для чего порошки, опасалась, пришлось грубовато пошутить:

– Боишься, что от моей компании случится несварение?

Думала, огрызнется и пошлет куда подальше, но он облокотился о стол и очаровательно улыбнулся:

– Помогает игнорировать замечания ехидных институток. Кстати, твой парень прописал. –

Он взялся за ложку. – Почему ты тарачишься на меня с таким лицом, будто я умираю от смертельной болезни? Нервирует. Ешь.

– Ладно.

Поесть я всегда любила. Жаль, что здоровый аппетит у двадцатилетних девиц считался дурным тоном. Немедленно вспоминалось, как Полина с подружками три часа цедили пустой чай в дорожной ресторане. Зачерпнув густого наваристого супа, я с наслаждением отправила первую ложку в рот и прикрыла глаза от удовольствия. Потом не удержалась, помакала кусочком хлеба в бульон и даже не заметила, как проглотила.

– Вкусно? – полюбопытствовал Кайден. Удивительно, но в его голосе не было насмешки.

– Не то слово! – промычала я. – Стыдно признаться, но я ужасно люблю поесть.

– По тебе незаметно.

– Повезло, скажи? – Я улыбнулась, и Кайден вдруг изменился в лице. Резко замкнулся, сосредоточился на тарелке.

♣ За столом снова повисло натужное молчание. Аппетит мигом исчез, но я продолжала глотать ложку за ложкой. Для магии требовались силы. Сон и еда считались лучшими источниками энергии. Коль поспать мне все равно в ближайшее время не светило, так хотя бы объесться за счет бывшего парня.

– Как ты переместилась? – спросил он, старательно избегая встречаться со мной глазами. –

Миры разошлись. Лазеек больше нет, ни одной.

– Если бы не было лазеек, как бы я здесь оказалась? – Я дернула плечом и с вызовом заявила:

– Ты видел детали артефакта, переместившего меня. Они лежали в клатче. И артефакторное стило тоже видел.

– Не имею привычки лазить по женским сумочкам.

– Врешь ведь.

Кайден отложил ложку и, наконец, соизволил одарить меня насмешливым взглядом.

– Хочешь сказать, что ты артефактор?

– Один из лучших в Тевете, – согласилась я. – Сложно поверить?

– Отчего же? – с иронией вымолвил он. – Ты ведь здесь.

Подобный разговор между нами уже происходил в самую первую встречу, поэтому упреждая

следующий вопрос, который наверняка крутился у него на языке, я вымолвила:

– Да, я умею создавать оружие. Легко. Но боевая магия примитивна и безобразна. Не люблю

уродливую магию. Созидать – сложнее и красивее.

– У тебя выжжена боевая руна?

Я выставила ладонь с руной «знание». Говорить о том, кто именно наградил меня первым темным знаком и фактически превратил в двуликого мага, не решилась. Правда, как лечебные порошки, хороша только в правильной дозировке.

– Еще вопросы?

Возникла долгая пауза, и я почти расслабилась, а обруч напряжения, обхватывающий грудь, практически растаял, как раздался резкий, неожиданный вопрос:

– Как он тебя называет?

– Кто? – смутилась я.

– Ройберти Томсон.

Мы с Кайденом встретились глазами. Надеюсь, он не догадался, что я впервые слышала полное имя знахаря.

– Как он называет тебя? Голубая кровь, милая, детка...

– Лера.

Казалось, что мужчина сейчас подавится. К счастью, он не мог слышать бешеного стука моего сердца, колотившегося в груди так сильно, что становилось больно.

– Лера? – Он дернул уголок рта. – Что ж, лучше не придумаешь. Ты знаешь, как переводится Лера с древнего языка?

– Неизбежность, – не сводя с него взгляда, ответила я.

– Верно.

Если Кайдена надо было провоцировать, чтобы подстегнуть память, то замечательных возможностей он предоставлял сколько угодно. Только вот сама я не испытывала уверенности, что начатая игра была мне по зубам.

– Что, господин наследник, ваша жизнь вдруг перестала быть понятной? – чуть склонилась я к столу.

– Не стоит начинать игру, в которой ты ничего не смыслишь, чудный ребенок, – точно прочитал мои мысли мужчина. Неожиданно он вытянул через стол руку и легонько щелкнул меня по носу, как малое дитя. Не найдя слов, я только ошеломленно моргнула.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://www.litres.ru/marina-efiminuk/mezhdu-dvumya-mirami-serdce-abrisa/>